

УДК 297

РОЛЬ СУФИЗМА В КИТАЙСКОМ ИСЛАМЕ

Сатико Мурата, Уильям С. Читтик

Перевод с английского Р. Н. Энверова¹

Аннотация: Перед вами глава из книги выдающихся знатоков Ислама, в которой раскрывается генезис и становление Исламского конфуцианства в средневековом Китае. Данный текст позволяет сформировать общее представление о бытовании Ислама в Поднебесной на протяжении последнего тысячелетия, а также знакомит читателя с уникальным диалогом между духовными традициями.

Ключевые слова: Ван Дайюй, хуэйру, антропокосмизм, конфуцианство

Джемальнур Саргут Ходжам попросил нас сказать что-нибудь о роли кафедры исламоведения имени Кенана Рифаи в Пекинском университете, которую мы открыли весной 2012 года. Как известно многим из вас, эта кафедра находится в Институте передовых гуманитарных наук, который был основан профессором Ту Веймином в 2010 году, вскоре после того, как он вышел на пенсию после тридцати лет работы в Гарварде. Нам также посчастливилось работать в Китае, где мы вели несколько курсов: один в Пекинском университете, другой в университете Минзу. Вместе с этим мы приняли участие в нескольких конференциях и семинарах, благодаря чему познакомились с рядом выдающихся китайских исследователей ислама, и имели возможность работать со многими талантливыми студентами.

С самого начала мы понимали, что первоочередная задача кафедры имени Кенан Рифаи будет заключаться в том, чтобы помочь китайским мусульманам восстановить связь с их собственной интеллектуальной традицией. Нет необходимости указывать, что XX век был по-настоящему губительным для ислама в Китае несмотря на то, что мусульмане жили в Китае полторы тысячи лет, основав процветающие общины во многих частях страны. Сегодня насчитывается не менее тридцати миллионов китайских мусульман. Многие из них принадлежат к этническим меньшинствам, значительная часть которых неотличима от прочих китайцев.

После китайской коммунистической революции 1949 года все формы религии и духовной традиции были признаны врагами нового режима – если не в теории, то на практике. В то же время ислам подвергался особому преследованию, потому что руководство страны считало эту религию иностранным импортом. До сих пор многие мусульмане скрывают свою исламскую идентичность из-за предубеждений против них. Такие преследования в отношении верующих стали причиной того, что целое поколение мусульманских ученых было потеряно и в силу этого интеллектуальная связь с прошлым катастрофически оборвалась.

---

¹ Перевод выполнен по изданию: Murata, Sachiko. The First Islamic Classic in Chinese: Wang Daiyu's Real Commentary on the True Teaching. Albany: State University of New York Press, 2017. P. 165–171.

Тридцать лет назад Китай открылся внешнему миру, мусульманские общины смогли отправить студентов за границу с целью восстановить утраченные знания. В результате возникло новое поколение ученых и улемов, получивших образование в таких странах, как Саудовская Аравия и Пакистан. Эти богословы обладают некоторыми знаниями о Коране, хадисах и шариате, но при этом часто проникаются идеологией исламистских движений. Более того, такой способ обучения не дает подготовки в традиционных интеллектуальных областях: суфизме и философии, – хотя именно суфийские и философские аспекты определили характер ислама в Китае. Другими словами, новые улемы возвращаются в свою страну без должного образования, которое позволило бы им понять учения великих китайских мусульман прошлого.

Возможно, лучший способ понять разницу между новыми формами китайского ислама и прошлыми состоит в том, чтобы увидеть разницу между традиционной и современной архитектурой китайских мечетей. Везде, где мусульманское население значительно, новые мечети растут, как грибы после дождя. Возводимые, как правило, на средства саудовцев, они выглядят словно безвкусные бетонные чудовища. Напротив, те немногие мечети, что не были разрушены в период Культурной революции, едва отличимы от конфуцианских, даосских и буддийских храмов. Это прекрасные образцы традиционной китайской архитектуры, органично интегрированные в природное и социальное окружение. Они иллюстрируют дальневосточный идеал равновесия и гармонии – идеал, который представлен в старых мечетях по всему исламскому миру. Находясь в Китае, вы можете понять только при взгляде с близкого расстояния, что традиционные мечети – это мусульманские места поклонения. Дело отчасти в том, что большая часть на вид китайской каллиграфии на самом деле является арабской. Внутри эти храмы, несомненно, являются исламскими сооружениями, даже если их обшая атмосфера полностью гармонирует с широко известными китайскими формами.

Описанный контраст между старинными и современными китайскими мечетями ярко иллюстрирует сложившееся недопонимание между традиционным и современным китайским исламом. Мы видим, что мусульманская мысль прошлого гармонично вписывается в интеллектуальное наследие дальневосточной цивилизации, в то время как модернистские идеи, подобно сорнякам, атакуют традиционную китайскую и исламскую духовную культуру. Традиционный китайский ислам гармонирует с китайской цивилизацией по одной ключевой причине: он полностью пронизан внутренними аспектами исламского учения, обычно называемого суфизмом. Это сочетание позволило китайским мусульманам увидеть величие истины, резонирующей с их цивилизацией. Они серьезно относились к учению о том, что Бог посылал пророков ко всем народам, и видели пророческую мудрость в китайских культурных и литературных формах, даже если думали, что большинство китайцев потеряли связь с истинным смыслом этой мудрости. Способность заглядывать вглубь внешних форм и за их пределы, бесспорно, служит отличительной чертой суфийских учителей на протяжении всей мусульманской истории.

Мы познакомились с традиционным китайским исламом в 1994 году, когда вдво-

ем посетили конференцию по диалогу между исламом и конфуцианством в Малайском университете в Куала-Лумпуре. Один из ее китайских участников, ученый из Сингапура, выступил с докладом о Ван Дайюе (ок. 1570 – ок. 1660), написавшем первую книгу об исламе на китайском языке, изданную в 1642 году. Мы были очарованы его сообщением, и, вернувшись в США, доктор Мурата нашла несколько книг Ван Дайюя и других китайских мусульман в библиотеке Яньчин в Гарварде. Мы решили исследовать одну из книг Ван Дайюя, и профессор Ту Веймин, который тоже был на конференции в Куала-Лумпуре, согласился изучить этот текст вместе с нами.

По ходу исследования мы обнаружили, что Ван Дайюй стоял у истоков интеллектуального движения, которое длилось до XX столетия и серьезно пострадало от политических и социальных потрясений в начале того века. Современные исследователи обычно называют это движение «Хань Китаб», используя китайско-арабское словосочетание, означающее «китайские Книги». Десятки мусульманских ученых, последовав примеру Ван Дайюя, создали труды по исламу на китайском языке и стали известны как Хуэйру – «мусульманские конфуцианцы». Это название стало использоваться из-за их твердой приверженности конфуцианским классикам, а также замечательной способности выражать учение ислама на языке, который был знаком интеллектуальной элите Китая на протяжении столетий.

Профессор Ту согласился помочь нам в изучении наследия Ван Дайюя, ибо, как мы, увидел в исламско-конфуцианских текстах пример религиозного диалога, гораздо более содержательного, чем дискуссии, которые обычно происходят сегодня. Справедливость этого тезиса в точности подтвердилась после пяти лет анализа творчества Ван Дайюя. Это исследование привело нас к другому мусульманскому интеллектуалу, Лю Чжи (ок. 1660 – ок. 1739), ставшему публиковать свои книги в начале XVIII века. Лю Чжи служит прекрасным примером мусульманина-конфуцианца, прекрасно осведомленного в неоконфуцианстве – школе мысли, доминировавшей в восточноазиатской интеллектуальной истории на протяжении последнего тысячелетия. Эта форма конфуцианства смогла ответить на вызовы двух своих основных соперников: даосизма и буддизма, – предложив обширные доктрины о природе вселенной и человеческой личности, то есть темах, которые не освещались в работах конфуцианских классиков. Опираясь на свои глубокие неоконфуцианские и исламские знания, Лю Чжи написал трилогию об исламских учениях. Первый том этого объемного произведения посвящен исламскому мировоззрению в целом, второй – обоснованию исламских ритуалов и социальных практик, а третий – жизни пророка Мухаммада, которая является воплощением исламской теории и практики.

Для того чтобы лучше понять значение мусульманско-конфуцианского синтеза, разработанного Ван Дайюем, Лю Чжи и другими, следует помнить о том, как исламская мысль развивалась в течение своей истории, особенно в персидских землях ислама, простиравшихся от Албании до Китая. Хотя известный мусульманский мыслитель Абу Хамид аль-Газали (1058–1111) был повсеместно признан создателем синтеза разных ветвей исламской доктрины, намного большее влияние приобрели более поздние

ученые, труды которых были адресованы широкой аудитории. Некоторые из лучших представителей их ряда были поэты, как, например, Мавлана Джалаладдин Руми (1207–1273), Хафиз Ширази (ок. 1325 – ок. 1390) и Аляутдин Аттар (ум. 1400). Они являются влиятельнейшими выразителями зрелого исламского мировоззрения. Их поэзия давала объяснение ключевых тем исламской мысли, но вместе с тем была легко доступна каждому персоязычному читателю. В большей части персидского мира Мавлана Руми был гораздо более влиятельным учителем ислама, превосходя в этом аль-Газали, даже несмотря на то, что нам пока не удалось найти много свидетельств того, что персидские поэты широко читались в Китае.

Тогда как аль-Газали был малоизвестен в Китае, самым авторитетным автором среди мусульман-конфуцианцев, по всей вероятности, можно считать Мухиддина Ибн Араби (1165–1240). Мы утверждаем это, опираясь на анализ персидских книг, созданных Азизом Насафи (ум. 1295) и Абдом ар-Раманом Джами (1414–1492), двумя из трех ученых, чьи книги были переведены на китайский язык до XX века. Третьим ученым был Наджм ад-Дин Рази (1177–1247), автор «Мирад аль-ибад». Этот труд стал одним из самых популярных учебников по исламу среди китайских мусульман.

Популярность Ибн Араби во всем персидском мире была связана с тем, что он предложил уникальную концепцию Бога, вселенной и человеческой души. Это понимание было намного более всеобъемлющим, чем те, что предложили другие исламские мыслители до или после него. При этом созданное им мировоззрение, очерк которого разделяло большинство мусульманских ученых, можно считать антропокосмизмом. Этот же термин использует Ту Веймин для описания дальневосточной картины мира, выраженной великими неоконфуцианскими мыслителями. Антропокосмическая перспектива рассматривает вселенную и человека как две стороны одной живой реальности.

Мусульманские конфуцианцы осознали, что исламское антропокосмическое видение мира легко переводится в конфуцианскую терминологию благодаря явному сходству с китайской мыслью. Именно поэтому они развивали свои центральные идеи, опираясь на тексты Насафи, Джами и Наджма ад-Дина Рази. Этот процесс нельзя назвать всего лишь исторической случайностью, поскольку их труды давали четкие систематические образцы антропокосмического миропонимания.

Если сегодня вы спросите мусульман, какие арабские тексты следует перевести на другие языки мира, скорее всего большинство респондентов назовут Коран, сборники хадисов и различные работы по юриспруденции. Вероятно, также в этот список попадут трактаты по вероубеждению и некоторые труды аль-Газали. Однако мусульмане-конфуцианцы не переводили никаких арабских произведений. Безусловно, они владели арабским, так как обучались исламским наукам. Но проблема заключалась для них не в том, какие книги нужно изучить, чтобы стать знатоком ислама. Вопрос скорее сводился к тому, что нужно понять мусульманскому сообществу, чтобы принять исламское мировоззрение и жить в соответствии с ним. Это хорошо – учить людей произносить молитвы, выполнять другие ритуалы, читать Коран и соблюдать законы ислама. Но как объяснить им на их родном языке необходимость таких действий? Другими словами, вы

не можете просто сказать людям, что они должны делать х, у и z, «потому что так говорит Бог», даже если в основном исламские священнослужители говорят им именно это. Чтобы следовать определенным рекомендациям, люди должны иметь весомые причины для этого. Учитывая, что исламские принципы формируют все аспекты человеческой жизни, их рациональное обоснование должно быть сильнее, чем обоснование чего-либо еще. Эта необходимость подвела мусульман-конфуцианцев к весьма определенной проблеме: как убедительно объяснить на китайском языке мировоззрение, лежащее в основе исламских ритуалов и социальных учений.

Хуэйру решили описанную задачу, создавая и переводя книги, которые объясняли такие фундаментальные вопросы, как смысл нашего существования, роль человека во вселенной, последствия человеческих действий и необходимость пророческого руководства. Для того чтобы переложить эти идеи на родной язык, от них требовалось быть мастерами китайской мысли, весьма компетентными не только в неоконфуцианстве, но также в даосизме и буддизме. В исламской традиции этими темами занимались именно суфийские учителя.

В заключение отметим, что четыреста лет, пролеглих между смертью аль-Газали и кончиной Джамии, явились одним из самых творческих и плодотворных периодов в исламской интеллектуальной истории. Практически все великие философы, богословы, суфии и поэты, жившие в этот период, мыслили реальность в свете антропокосмического мировоззрения и формулировали это понимание в своих трудах. Они усматривали цель человеческой жизни в достижении преобразованного восприятия реальности, при котором человек и вселенная взаимодействуют в совершенной гармонии. Путь, ведущий к этой трансформации, по их мнению, был воплощен в учении пророков, от Адама до Мухаммада.

Не зная, каким образом эти мусульманские мудрецы и философы выражали единое, антропокосмическое миропонимание и что они считали его кораническим, нельзя увидеть то, что линия преемства исламской мысли от аль-Газали до мусульман-конфуцианцев фактически нерушима. Если китайские мусульмане сегодня не поймут, что принципы и большинство аспектов мышления их предков непосредственно черпаются из фундаментальных изложений исламской традиции, вышедших из-под пера великих мусульманских ученых, они рискуют ошибочно решить, что должны отвергнуть собственное интеллектуальное наследие. В таком случае мусульмане Поднебесной попытаются заново изобрести исламское мировоззрение на основе информации, импортированной с Запада и почерпнутых из дискурсов политизированного ислама, которые так явно доминируют сегодня на Ближнем Востоке. Напомнить китайскому миру о богатейших исламских ресурсах, в которых отражено понимания человеческого бытия на их родном языке, – непосредственная задача кафедры имени Кенана Рифаи.

Сведения об авторах

Сатико Мурата – исследователь в области сравнительной философии и мистицизма, профессор религиоведения и азиатских исследований Университета Стоуни-Брук.

E-mail: sachiko.murata@stonybrook.edu

Уильям Читтик – почетный профессор кафедры азиатских и азиатско-американских исследований Университета Стоуни-Брук.

E-mail: william.chittick@stonybrook.edu

Сведения о переводчике:

Энверов Рустем Нуриевич – независимый исследователь

E-mail: R.enverov@mail.ru

Murata S., Chittick W. C.

THE ROLE OF SUFISM IN CHINESE ISLAM

transl. from English by R. N. Enverov

Abstract: Here is a chapter from a book by prominent experts on Islam, which reveals the genesis and formation of Islamic Confucianism in medieval China. This text allows us to form a general idea of the existence of Islam in the Celestial Empire over the last millennium, and also introduces the reader to a unique dialogue between spiritual traditions.

Keywords: Wang Daiyu, Huiru, Anthropocosmism, Confucianism.

Sachiko Murata is a scholar of comparative philosophy and mysticism and a professor of religion and Asian studies at Stony Brook University.

E-mail: sachiko.murata@stonybrook.edu

William Chittick is a distinguished professor in the Department of Asian and Asian American Studies at Stony Brook University.

E-mail: william.chittick@stonybrook.edu

Enverov Rustem Nurievich is an independent researcher.

E-mail: R.enverov@mail.ru